

Г А Л Е Р Е Й

К НАЧАЛУ

В XX веке все новые направления в искусстве любят громкие и велеречивые манифесты и ожесточенную, хотя порой и поверхностную полемику в печати, благодаря чему можно с большой полнотой восстановить их историю и сопутствующую духовную атмосферу. Такого "увековечивания" лишена неофициальная культура: у нее нет своей печати, а самиздат предпочитает публиковать, а не обсуждать произведения. В ней по этой причине до последнего времени преобладала не письменная критика, а нигде не фиксируемые устные отзывы. На саму критику смотрели косо, ибо, позабыв о ее историческом многообразии, вспоминали в основном, сколько за истекшее столетие она принесла вреда своей пресловутой "идейной" позицией.

Художник и поэт стали считать свое искусство самодостаточным феноменом, который в силу полной, по их мнению, адекватности и открытости не нуждается в каком-то "критическом анализе" и умозрительных оценках. Художник – это Творец, который сам сочиняет и только сам себя вправе судить. Это опирающееся на болезненный эгоцентризм сознание выросло в условиях долгого подполья и, в конечном итоге, привело к тому, что возникшая все-таки критика была комплиментарной, туманной или откровенно клановой, боясь прежде всего задеть или обидеть автора, в чем она воспроизводила, если не в языке и подходе, то в сути отвергаемый официальный шаблон.

Есть и другая внутренняя причина существующего критического бесплодия и документальной скучности. Как во всяком романтическом

бунте, к истории неофициальная культура относилась как к стихийной экзистенции, над которой вредно размышлять и которую нелепо оценивать. Историю надо в душе переживать, слушать, смотреть и только изредка - фиксировать, собирать и судить. Поэт воплощал себя в звуке, жесте, движении, художник - в стихийной акции, а стихотворение и картина были при этом не единственной, хотя и важной частью звучащего или бессловного действия. Истосковавшись по искренности, доверяли только лишь слову, которое выходило из уст творца, но не из-под пера стороннего наблюдателя. Главное - выразить, вовлечь не в рассуждение, а в сопререживание.

В этом романтическом настроении и при стремительном сперва разбеге контркультура, к тому же сильно неуверенная в себе, стала неизбежно выпадать из истории, обрастая мифами и устными преданиями. Кто-то умер или уехал, и уже через несколько лет у самых близких друзей остаются в памяти два-три забавных и незначительных случая и расплывчатые "бессловные родословия". Многое поэтому уже ушло безвозвратно в земли иные или в землю эту. Как и всюду в нашем обществе, на место конкретной исторической памяти приходят бессознательное или намеренное мифотворчество.

Чтобы хоть немного избавиться от этой всеобщей амнезии, журнал предполагает публиковать в каждом номере краткие критико-биографические иллюстрированные очерки о художниках и потом собрать их в справочник для ценителей неофициального искусства. Хочется надеяться, что этот замысел найдет отклик у самих художников, и они будут содействовать его реализации не только на словах, но и на деле, ибо запечатлеть точно историю можно лишь общими усилиями.

В.Антонов

ОВЧИННИКОВ Владимир Афанасьевич

Живопись Овчинникова – единственная в своем роде. В ней – традиционное и новое, понятность и сложность, быт и метафизика. Она то напоминает печальный анекдот, то откровенную притчу, удивляет то метко введенной подробностью в манере старых мастеров, то монументальной цельностью формы, напоминающей кубистов. В жанрово-критическом подходе к сюжету можно заметить явную связь с русским реализмом прошлого века, а в локально-цветовой структуре – отзвуки отечественной иконописи. Не холодно-аналитический "ретро"-миф творится на основе этого органического сплава национальной и европейской традиции, а наполненная искренним состраданием и горьким сопереживанием картина, где вместе сведены высокое и низкое, банальное и небесно-возвышенное. В сопереживание почти всегда включено назидание в духе евангельского гуманизма, отчего даже от самых жестоких сцен не остается впечатления глумления и пародии, столь типичных в нынешнем авангарде.

В последних работах художник все больше стремится к сюжетной и композиционной простоте, ограничиваясь немногими фигурами или предметами и четко геометрическим построением, приближаясь к цветовому аскетизму нидерландских примитивов, благодаря чему создается невиданное прежде величественное ощущение, когда любой, даже обыденный предмет или персонаж превращаются в почти метафизический символ. Этот метафизический дух и прежде пронизывал картины Овчинникова, придавая им философскую и настроенную глубину и указывая тоскующему современному на божественную основу бытия и постоянное присутствие на земле трансцендентного. В отличие от спекулирующих на христианстве художников, Овчинников – всегда искренний, строг и целомудрен, избегая модной сюрреалистической барочности, которую изобретает эстетизирующий ум. Вечное для него – источник и образ, оно все омыает и везде просвечивает.

Этой метафизической устремленности хорошо соответствует не

сразу найденный стиль "примитва", у коего мало корней в отечественной живописи. Он - грузный, немного сумрачный и не похож на пестрый и радостно-завлекательный среднеевропейский примитив. Чем-то он напоминает романскую пластику, когда художник-христианин смотрел на мир духовнее, суровее и цельнее. И в то же время этот стиль немыслим без формальных поисков авангарда нашего века, без реалий этого века, иногда противоестественных и страшных. Немногим, однако, удается в нем воплотить свою и нашу духовную жажду столь верно и удачно, как это делает Владимир Овчинников - один из основных живописцев неофициального Ленинграда.

Биография: Родился 4.Х.1941 в Пермской обл., в эвакуации. Трех лет лишился отца, погибшего на фронте. В 1958, окончив школу в Шувалово, под Ленинградом, работал кочегаром и пользовался советами Е.Семиошенкова. В 1961-63 был подручным у К.Кустодиева, декоратора Кировского театра, и копировал старых мастеров в Эрмитаже, где встретился с М.Шемякиным. В 1964 участвовал в выставке самодеятельных художников в этом музее, а весной 1971 устроил экспозицию в Кустарном пер. Позже организовывал и участвовал в выставках неофициального искусства в Д/к Газа /1974/, Невском /1975/, Орджоникидзе /1978/ и ряде квартирных экспозиций. Некоторые произведения показывались на выставках неофициального искусства за границей и на небольшой персональной выставке в Битбурге /ФРГ/ в 1977. В 1979 переехал из Шувалово в близлежащий район новостроек.

Иллюстрации: "Ангелы в саду", 1977; "Чехарда", 1976; "Переход", 1981; "Артиллерийский музей", 1982.

В.А.

